

Глава 7

ИНАКОМЫСЛИЕ В ИМЭМО

В отличие от некоторых академических институтов и высших учебных заведений, где в 60—70-е годы «всевидящее око» КГБ периодически выявляло «антисоветчиков» и энергично «профилактировало» потенциальных диссидентов, ИМЭМО вплоть до 1982 г. не знал сколь-либо громких историй такого рода. Институт благополучно избежал и нередких для гуманитарных НИИ идеологических проработок, вроде тех, которые имели место в Институте истории («дело Некрича») в Институте истории СССР («дело Волобуева — Тарновского — Гиндина — Гефтера»), в Институте экономики («дело Ракитского») в Институте конкретных социологических исследований (ИКСИ АН СССР), когда с директорского поста был снят академик А.М. Румянцев, а ряд его сотрудников были изгнаны из Института, в Уральском университете («дело Адамова») и т.д.

Означало ли это, что научный коллектив ИМЭМО состоял исключительно из «идеологически выдержанных»¹ сотрудников? И как это совместить со всей той антидогматической направленностью в исследованиях, которая была свойственна ИМЭМО с первых дней его существования?

При всей неоднозначности тезиса о «внутрисистемных диссидентах», который выдвинул в своих воспоминаниях академик Е.М. Примаков², именно

¹ Подобного рода формулировки-клише присутствовали в служебных характеристиках, вы дававшихся научным сотрудникам по самым разным случаям — заграникомандировка, аттестация, защита диссертации и т.д.

² «Диссиденты в системе» — так называется первая часть воспоминаний академика Е.М. Примакова. // Примаков Евгений. Годы в большой политике. М. 1999. С. 11—65. Не все бывшие коллеги Примакова в ИМЭМО разделяют этот тезис, отказываясь, в частности, причислять Н.Н. Иноземцева даже к «системным диссидентам». В беседе с автором книги Е.М. Примаков уточнил предложенную им формулировку. «Убежден в обоснованности данного понятия, — отметил он. — Оно подчеркивает принципиальное различие между «внутрисистемными» и «внесистемными диссидентами». Первые, в отличие от вторых, никогда не были антикоммунистами и не ставили своей целью разрушение существующего строя. Они стремились к его модернизации, приспособлению к реалиям современного мира, будучи убеждены в не

этот тезис позволяет найти более или менее убедительные ответы на поставленные вопросы.

С первых дней существования ИМЭМО его создатель А.А. Арзумян, а затем и его преемник Н.Н. Иноземцев — оба убежденные антисталинисты, искренне воспринявшие решения XX съезда, — сумели создать в Институте обстановку относительного свободомыслия в том, что касалось профессиональной деятельности (а она напрямую была связана с актуальными вопросами политики и экономики). Эта атмосфера поддерживалась даже в условиях идеологического ужесточения режима после подавления «пражской весны» в августе 1968 г. Поощряемые Иноземцевым «либералы»¹ пользовались в ИМЭМО определяющим влиянием, а твердолюбые догматики, как правило, в Институте не приживались и уж во всяком случае чувствовали себя здесь весьма некомфортно.

Научные сотрудники, хорошо знавшие о засилии реакции в большинстве других академических институтах гуманитарного профиля, дорожили той, пусть и ограниченной, свободой, которая сохранялась в ИМЭМО.

Можно сказать, что между руководством Института и его научным коллективом было достигнуто своего рода джентльменское соглашение: Иноземцев гарантировал своим сотрудникам свободу научного творчества, а те, в свою очередь, обязались соблюдать предписанные правила игры, т.е. прежде всего «не подставляться» самим и «не подставлять» Институт. Возраставшее влияние Иноземцева — одного из советников Брежнева — в течение полутора десяти-

исчерпанных еще возможностях социалистической модели, основанной на марксистской теории. В то же время, я лично глубоко убежден, что в современном мире такие понятия как «социализм» и «капитализм» изжили себя. Еще в те годы (70—80-е) я, например, пришел к выводу о конвергенции, как о наиболее оптимальном пути развития человечества, которое должно взять лучшее из двух общественно-экономических систем — социализма и капитализма. Надо признать, что «капитализм» оказался более гибкой системой, способной воспринять и усвоить целый ряд принципов, присущих социалистической экономической модели (элементы планирования, государственное регулирование экономики и т.д.). «Системные диссиденты» в СССР, в сущности, стремились к тому же — к внедрению необходимых элементов рыночной экономики в советское плановое хозяйство. Но для этого нужно было изменить общественное сознание и подверженные догматизму представления правящей элиты. В этом направлении и действовали «системные диссиденты», остававшиеся тогда, я подчеркиваю, на позициях социализма» (запись беседы с Е.М. Примаковым 12 ноября 2002 г.).

¹ Речь идет о «либералах-конформистах», составлявших преобладающую часть научного коллектива ИМЭМО. Либералы-конформисты, независимо от их внутренних убеждений, никогда не выступали против существующего строя, ограничиваясь более или менее осторожной критикой его «отдельных недостатков». Свою миссию они видели в том, чтобы путем «просвещения верхов» (через записки, прогнозы и другие аналитические материалы, направлявшиеся из Института в ЦК КПСС), способствовать совершенствованию «реального социализма», его политической демократизации, социальной и экономической эффективности. В этом отношении они, наверное, вполне могут быть отнесены к «системным диссидентам», о которых говорит академик Е.М. Примаков.

летий служило дополнительной гарантией сохранения благоприятной в целом обстановки на острове свободы, каковым, пусть и с оговорками, можно было считать ИМЭМО вплоть до начала 80-х годов.

Существование в Институте такой обстановки подтверждает столь авторитетный в этом смысле источник, как доктор исторических наук Марат Чешков, отсидевший в лагерях за «антисоветскую деятельность» более шести лет, причем не в суровые сталинские годы, а в благословляемый либералами-шестидесятниками период хрущевской оттепели¹.

Из воспоминаний Марата Александровича Чешкова:

«По существу половина моей жизни прошла в Институте, а остальное пришлось на время учебы — сначала в школе и в университете, а затем в мордовском лагерном университете. Что же касается собственно научной деятельности, то она почти полностью падает на годы работы в Институте, начиная с января 1967 года.

Приход в Институт был для меня неслучаен, поскольку, окончив кафедру Востока МГУ, я поступил в аспирантуру эконофака и начал работу в Институте востоковедения. Интерес к научному творчеству сохранялся и даже усилился за годы пребывания в ИТЛ (шесть с половиной лет по статье 58-й, п.п. 10—11). Там первое время, в 58—60-х годах, были относительно благоприятные условия для продолжения научной работы — можно было получать прессу, даже иностранную, а литературой научного плана меня снабжали товарищи по истфаку. Там с их помощью и при поддержке моего научного руководителя академика А.А. Губера я, уже в лагере, написал кандидатскую диссертацию по экономике колониального Вьетнама и защитил ее уже после освобождения в 1965 году. Так что интерес к науке был у меня постоянен, тем более что я понял, что политика — это занятие не для меня, а в теоретических изысканиях чувствовал себя в своей тарелке.

Не знаю как, почему и через кого, но в начале 1967 года В.Л. Тягуенко пригласил меня на работу в отдел экономики и политики развивающихся стран. Направив мои интересы в сторону социологии, социальных проблем и особенно проблем элит этих стран, он дал тем самым первоначальный импульс всем моим дальнейшим научным поискам.

Перейдя от Вьетнама к проблемам Третьего мира, я вышел к науковедческим поискам и к глобальной проблематике. Для меня лично такая траектория означала развитие научных возможностей и давала действительно

¹ В феврале 1958 г. М.А. Чешков был осужден на восемь лет заключения в исправительно-трудовых лагерях (он отсидел шесть с половиной лет) по т.н. «делу Краснопевцева», когда в МГУ была раскрыта «антисоветская организация», состоявшая в основном из выпускников, преподавателей и одного студента исторического факультета, которые объединились на почве неприятия советской системы, не соответствовавшей, по их убеждению, канонам марксистско-ленинской теории и принципам научного социализма. Все девять участников нелегального кружка получили солидные сроки. В 1989 г. все они были реабилитированы. См. об этом: «ДЕЛЮ» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопросы истории, 1994, № 4. С. 106–135.

«глубокое удовлетворение» прodelьваемой работой: я ни разу не пожалел о том, что поступил в Институт и никогда не думал об уходе из него за исключением «тяжелого лета 82-го года».

Однако уже с самого начала работы мне стали ясны рамки, в которых было необходимо укладываться исследователю. Когда я написал статью о деятельности вьетнамской компартии, расценивая ее с позиции марксистской ортодоксии, как не имеющую ничего общего с коммунизмом, то реакция Н.Н. Иноземцева, по словам В.Л. Тягуенко, была такова: пусть пишет, но печатать не будем. Тем самым были четко обозначены рамки, за пределы которых выходить не рекомендовалось, а научная работа должна направляться преимущественно в стол.

Однако в реальности возможности научного творчества были достаточно широкими и в первую очередь благодаря той обстановке, которая сложилась в нашем отделе с 60-х годов, сохранялась в последующие десятилетия, да и ныне»¹.

Институт притягивал к себе не только лучших представителей научной молодежи — экономистов и политологов, но и все лучшее, что было в тогдашней культурной Москве. Его частыми гостями были видные писатели, кинорежиссеры, художники и артисты, устраивавшие в ИМЭМО свои «закрытые» выступления, кинопросмотры и концерты — нередко с оппозиционным оттенком². Булат Окуджава и Юрий Трифонов, Никита Михалков, Эльдар Рязанов, Элем Климов и Александр Сокуров, Илья Глазунов, Владимир Высоцкий, Андрей Миронов, Александр Ширвиндт, начинавшие в 70-е годы Геннадий Хазанов и Александр Розенбаум, Сергей и Татьяна Никитины, артисты «Современника» и Театра на Таганке, Гарри Каспаров...

Надо сказать, Иноземцев внимательно следил за выполнением джентльменского соглашения своими сотрудниками, нередко предостерегая их от необдуманных шагов, которые могли бы нанести ущерб Институту, чем непременно воспользовались бы его недоброжелатели. В ряде случаев он вынужден был принимать превентивные административные меры в отношении тех подчиненных, которые сознательно, как он считал, нарушали «правила». Но чаще он все же вставал на защиту того или иного нарушителя. Иноземцев лучше многих знал, что его сотрудники находятся под неусыпным контролем органов госбезопасности³, и потому постоянно призывал к осторожности и соблюде-

¹ Из воспоминаний д.и.н. М.А. Чешкова, специально написанных в 2003 г. по просьбе автора книги.

² Важную роль в этом играла сотрудница Института Надежда Васильевна Ефимова, дружившая с многими известными деятелями театра и кино. Именно она обычно приглашала в ИМЭМО своих друзей, которые никогда ей не отказывали и с удовольствием неоднократно приходили в Институт.

³ В качестве примера можно привести случай с аспирантом Юрием Пивоваровым, имевший место в октябре 1975 г. Пивоваров успешно выполнил аспирантский план, представил в срок и обесудил диссертацию, что, по академическим правилам, предполагало его автоматическое зачисление в штат ИМЭМО. Однако этого не произошло. КГБ предоставил в Дирекцию ИМЭМО

нию правил поведения в «режимном учреждении», каковым с некоторых пор стал считаться ИМЭМО.

Одно из этих правил предписывало только санкционированное общение с иностранцами — как личное, так и через переписку. Всякий самовольный контакт мог повлечь неприятности для нарушителя¹. Именно об этом, в частности, говорил Иноземцев на заседании Дирекции 22 января 1971 г.

«Пора установить настоящий порядок со всей нашей иностранной корреспонденцией. Если в отношении каких-то внутренних дел та или иная переписка это ваше личное дело, то в отношении иностранной корреспонденции нет никаких личных дел, никакая иностранная корреспонденция не может идти, минуя секретаря по загрансвязям². Это надо твердо знать. Строгое выполнение этого правила поможет вам не «влипать» в ненужные ситуации. Распоряжение предусматривает, что вся иностранная корреспонденция идет в официальном порядке через секретаря по иностранным связям³.

информацию о связях Пивоварова с диссидентскими кругами, настойчиво порекомендовав не брать его на работу в Институт и не допускать к защите диссертации. В результате молодой талантливый ученый оказался «на улице» и более полугода был безработным. С большим трудом ему удалось устроиться в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР. Защита одобренной в ИМЭМО кандидатской диссертации Ю.С. Пивоварова состоялась лишь спустя пять лет, причем не в ИМЭМО, а в ИМРД. В настоящее время Юрий Сергеевич Пивоваров — директор ИНИОН, крупный ученый, доктор политических наук, член-корреспондент РАН. Этот случай прямого вмешательства «органов» в кадровую политику в ИМЭМО был далеко не единичным.

¹ В лучшем случае «нарушитель» получал предупреждение и «рекомендацию» прекратить неформальные контакты. С аспирантских времен (конец 60-х годов) в течение нескольких лет я поддерживал дружескую переписку с двумя французскими студентками, с которыми познакомился в Москве, и которые бывали у меня в гостях. Время от времени они присылали мне из Парижа книжные новинки по моей специальности (политические проблемы современной Франции). В конечном счете я вынужден был прекратить переписку по настоятельному «совету» институтского секретаря по международным научным связям.

² Как уже говорилось, в советские времена должность секретаря по международным научным связям в академических институтах, как правило, занимали представители КГБ или люди, тесно связанные с «органами».

³ Вся иностранная корреспонденция поначалу попадала на стол ученого секретаря по международным связям или к его сотрудникам и, хотя бы выборочно, могла просматриваться перед тем, как попасть к адресату. Просмотру могли подвергаться прежде всего письма к тем научным сотрудникам, которые по каким-то причинам привлекли к себе внимание «органов». Не обходилось и без курьезов. Вспоминаю, как в 1977 г. я получил из Парижа с оказией (через приехавшего в ИМЭМО французского ученого) два буклета с долгоиграющими пластинками (запись оперетты Ж. Оффенбаха «Парижская жизнь» и хиты французского шансона 40-х годов), которые передал для меня мой друг и коллега из ИФРИ профессор Жан Клейн. Подарок был оставлен в Иностранном отделе, сотрудник которого (он сам говорил, что ранее работал в КГБ, но

Еще один вопрос, — продолжал Иноземцев. — Мы много раз говорили: ни на какие приемы, ни в какие посольства, на встречи с иностранцами не ходить, не ставя об этом в известность руководство Института и ученого секретаря по иностранным связям. Невыполнение этого требования привело к тому, что ряд товарищей оказались под серьезными ударами»¹.

Первый случай демонстративного проявления в ИМЭМО идеологической недисциплинированности имел место в августе 1968 г. Сразу же после вторжения войск Организации Варшавского Договора в Чехословакию (21 августа 1968 г.) ЦК КПСС предписал всем партийным организациям провести собрания в поддержку этой акции «братской помощи». Соответствующая

почему-то был оттуда уволен еще В. Семичастным, которому он этого никогда не простил) при передаче его мне выразил сомнение: а действительно ли это Оффенбах и Эдит Пиаф?. «А нет ли там чего другого?» — с самым серьезным видом заявил Р.А. Мне было предложено тут же прослушать диски на стоявшей в его кабинете радиоле эпохи «позднего Сталина» (или «раннего Хрущева»). Я, разумеется, отказался, сославшись на опасность загубить пластинки тупой иглой от допотопной радиолы. Этот аргумент неожиданно произвел впечатление. «Ладно, я тебе доверяю, — примирительно сказал Р.А. — Прослушай у себя дома, и в случае чего немедленно мне сообщи, а пластинки принесешь к нам...». Иностраный отдел мог не дать санкцию и на официальную встречу того или иного сотрудника с зарубежными гостями Института. Когда в 1979 (или в начале 1980 г.) посетившие ИМЭМО с кратким визитом гости из Франции (профессор Жан Клейн и бывший министр информации генерала де Голля Лео Амон), среди прочих, пожелали встретиться с «господином Черкасовым», им ответили, что интересующий их сотрудник, к сожалению, болен и по этой причине не может прийти в Институт. В те времена категорически запрещалось сообщать иностранцам номер своего домашнего телефона, и потому Клейн и Амон не могли даже пожелать скорейшего выздоровления своему, мимо больному коллеге, который и не подозревал об их приезде, работая в этот день у себя дома.

¹ Протокол заседания Дирекции Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР от 22 января 1971 г. Архив ИМЭМО РАН.

Действительно, далеко не все сотрудники Института соглашались на самодонительство, идя на несанкционированные встречи с иностранными коллегами в частной обстановке — у себя дома или в ресторане. Для некоторых такого рода встречи имели негативные последствия, на что и намекал Иноземцев. Но и предварительное извещение администрации Института о предполагаемой встрече с иностранцем (если она проходила за пределами ИМЭМО) не всегда санкционировалось. Вспоминается случай относящийся уже к началу горбачевской перестройки. Я и мой коллега-франковед Игорь Бунин, ныне известный политолог, на приеме в посольстве Франции по случаю 14 июля, получили приглашение от одного из знакомых дипломатов приехать в выходной день к нему на дачу в Серебряный бор, где он устраивал прощальную вечеринку по случаю своего предстоящего отъезда из Москвы. К тому времени я уже более десяти лет был «невъездным», и потому, решив без нужды «не подставляться», проинформировал о полученном приглашении секретаря по международным связям. Тот настоятельно посоветовал мне не ездить в Серебряный бор. «Зачем тебе лишние проблемы? И без того их у тебя хватает», — доверительно и даже с некоторым сочувствием сказал он мне. Я последовал его «совету» и под благовидным предлогом уклонился от приглашения. В отличие от меня Игорь Бунин, работавший в то время в ИМРД,

директива была получена и парткомом ИМЭМО, спешно занявшимся подготовкой открытого партийного собрания с участием комсомольцев и беспартийных. Время было отпускное, и собрать весь трудовой коллектив было сложно. Пришлось срочно вызывать тех сотрудников-членов партии, которые проводили отпуска в Москве или на подмосковных дачах и с которыми можно было связаться. Из 300 членов парторганизации удалось собрать чуть более половины — человек 160–170. Примерно столько же собралось и беспартийных.

Известие о подавлении «пражской весны» повергло в шок большинство научных сотрудников Института, с интересом и сочувствием следивших за развитием процесса демократизации в Чехословакии, где пытались «очеловечить реальный социализм». Незадолго до этого — в мае 1968 г. — в ИМЭМО находилась делегация из пражского Института международной политики и экономики. Чехословацкие гости увлеченно рассказывали своим московским коллегам о проводимых в их стране преобразованиях, подчеркивая, что речь идет о том, чтобы максимально расширить возможности, заложенные в социализме, а также о разумном использовании в плановой экономике необходимых элементов рыночного хозяйства. Все это отвечало тем настроениям, которые господствовали в ИМЭМО, включая его руководство во главе с Иноземцевым. До 21 августа 1968 г. сочувствие чехословацкому эксперименту, как и надежда на его продолжение в СССР, выражались открыто — не только в коридорах Института, но даже на заседаниях секторов и отделов. Оптимисты (а их, наверное, было большинство) не верили, что после венгерского прецедента 1956 г., серьезно подорвавшего международный авторитет СССР, советское руководство решится на его повторение.

Но 21 августа случилось то, что случилось. Теперь же либералам ИМЭМО предлагалось путем открытого голосования одобрить вооруженное подавление и их собственных надежд.

Накануне намеченного партсобрания из сообщений «вражьих голосов» стало известно о демонстрации протеста, устроенной отважной «десяткой» диссидентов на Красной площади в воскресный полдень 25 августа¹. Демонстранты развернули плакаты на русском и чешском языках: «Руки прочь от ЧССР!», «Да здравствует, свободная и независимая Чехословакия!», «Долой оккупантов!», «За нашу и вашу свободу!». Демонстрация продолжалась всего несколько минут и была рассеяна одетыми в штатское сотрудниками КГБ и МВД, патрулировавшими Красную площадь. Участники демонстрации были арестованы и впоследствии осуждены².

пренебрег «правилами поведения» и на свой страх и риск отправился в Серебряный бор, где, как он мне потом рассказал, прекрасно провел время в приятной французской компании. Надо сказать, никаких последствий для него этот «faux pas» не имел. Времена менялись, и контроль со стороны «органов» становился менее жестким.

¹ Л.И. Богораз, К.И. Бабицкий, Т. Баева, Н. Горбаневская, В.Н. Делоне, В.А. Дремлюга, Н. Корхова, П.М. Литвинов, И. Рукавская, В. Файнберг.

² Хроника России. XX век / А.П. Корелин, П.П. Черкасов, А.В. Шубин и др. М., 2002. С. 775.

Такова была реакция «внесистемных», по определению Е.М. Примакова, диссидентов на оккупацию Чехословакии.

А как повели себя диссиденты «системные», составлявшие костяк научного коллектива ИМЭМО?

Часть из них, под разными предлогами, вообще не пришла на собрание, включая отдельных членов парткома.

Из воспоминаний доктора исторических наук Георгия Ильича Мирского:

<...> «Голос секретаря парткома нашего института Петрова звучал в телефонной трубке напряженно, взволнованно. «Ты, конечно, уже слышал о Чехословакии? Так вот, по указанию райкома сегодня в два часа в институте митинг, все члены парткома будут выступать, так что подготовься». — «Дима, я не приду и институт». — «Как не придеешь?» — «А вот так. Не хочу быть на митинге». Пауза, потом: «Ну, старик, это даже странно. Думаешь, мне и другим приятно выступать на такую тему?» — «Дима, в тот момент, когда ты согласился стать секретарем парткома, ты согласился хлебать дерьмо полной ложкой. Вот и хлебай. А я не приду, если спросят — говори что хочешь».

<...> Итак, я не пришел на митинг. Ничего героического в этом, конечно, не было — я ведь не пошел с протестом на Красную площадь. И все же я был доволен тем, что не поднял руку в одобрение пакости, устроенной советским руководством»¹.

Другие, в отличие от Мирского, в назначенный день появились в Институте. Некоторые, зарегистрировавшись в списках присутствующих, поспешили ретироваться из читального зала библиотеки, где должно было начаться собрание, и разбрелись по комнатам пятиэтажного здания на Ярославской улице, уклонившись тем самым от участия в открытом голосовании. По свидетельству присутствовавших на этом мероприятии, обстановка в зале была подавленная. Даже записные ораторы, назначенные парткомом, говорили без привычной уверенности и энтузиазма. Когда же на голосование был поставлен вопрос об одобрении оказанной Чехословакии 21 августа «братской интернациональной помощи», привычно, но явно неохотно и недружно поднялись десятки рук.

«Кто против?..» — произнес председательствовавший на собрании секретарь парткома Дмитрий Петров, решивший, что голосование, слава Богу, прошло единогласно, и тут же без паузы продолжил: «Кто воздержался?».

¹ *«Забегая вперед, — продолжает Г.И. Мирский, — скажу, что в 1981 году, когда в Польше было введено чрезвычайное положение и арестованы лидеры «Солидарности», меня вызвал секретарь парткома (на этот раз Шенаев) и сообщил, что институт поручает мне («как лучшему оратору») выступить на радио по этому поводу. Я отказался. Не сомневаюсь, что и в этом случае, как и после 21 августа 1968 года, новые бумаги легли в мое досье на Лубянке» // Мирский Г.И. Жизнь в трех эпохах. М., 2001. С. 204, 207–208.*

В это время по залу прошел шумок. Оказалось, что «против» проголосовали два человека, Выяснилось, что это были Надежда Георгиевна Федулова, младший научный сотрудник отдела международных отношений, и Александр Александрович Стариков, младший научный сотрудник отдела развивающихся стран.

На лицах в президиуме собрания, где, как обычно, находились и два «ответ работника» — из Дзержинского райкома партии и отдела науки ЦК КПСС — нескрываемая растерянность. Делать нечего, пришлось учесть два голоса «против». Собрание завершилось.

Все разошлись по своим секторам, обсуждая происшедшее и гадая о предстоящей участи двух смельчаков. Некоторые чувствовали себя неловко, сознавая, что участвовали в чем-то постыдном... Другие привычно утешались тем, что «против лома нет приема»... Были и такие, кто убежденно одобрил оккупацию Чехословакии.

А в парткоме тем временем лихорадочно искали выход из создавшегося положения. Было решено попытаться убедить неожиданно выявившихся «диссидентов» изменить их голосование и отправить в РК и ЦК КПСС «чистый» протокол с единогласной поддержкой «мудрого решения» партии. На это у парткома был один день — не больше.

Как вспоминает А.А. Стариков, заведующий сектором, в котором он тогда работал, в личной беседе предложил ему дезавуировать свое голосование, сославшись на недостаточную информированность.

«Теперь же, мол, я получил дополнительную информацию, — вспоминает Стариков свой разговор с шефом, — которая меняет дело, и потому присоединяюсь к общему мнению собрания, то есть одобряю ввод войск в Чехословакию. Я ему ответил, что для меня поступить так было бы унижительно (было своё представление о чести, хотя, наверное, и наивное). Желая предупредить дальнейшее давление, я сказал ему, что готов уйти из Института, чтобы не причинять неприятностей ему и другим, но попросил не торопить меня, чтобы я смог найти работу. Такой вариант был принят. И в начале 1969 года я ушел в ИМРД, благодаря содействию моего друга Генриха Фактора, который попросил за меня своего соседа по дому — Анатолия Акимовича Куценкова, заместителя директора ИМРД.

Другое последствие этой истории, — вспоминает Стариков, — внимание к моей скромной особе со стороны КГБ. Меня посетил некий господин, представившийся работником уголовного розыска (когда он пришел, я был дома один) под каким-то совершенно абсурдным предлогом: у них есть, мол, сведения, что в нашем подъезде курят «плант» (я тогда даже не знал, что это такое). И не могу ли я сообщить какую-нибудь информацию об этом. Я не мог, и беседа плавно перетекла на мою жизнь, доволен ли я своей работой, интересовался соседями и т. д. Одного соседа по этажу я предупредил, что о нем спрашивал некий господин. Узнав, как тот выглядел, сосед уверенно сказал, что он его знает — это уполномо-

ченный районного КГБ, который к нему не раз заходил, так как этот сосед находился под негласным надзором органов по одному давнему делу. Он также сообщил, что этот человек приходил недавно и к нему и расспрашивал обо мне: чем занимаюсь, что говорю, кто ко мне ходит. Я думаю, что цель визита ко мне состояла в том, чтобы составить очное представление обо мне и заодно дать знать, что Большой Брат не дремлет и помнит обо мне. Правда, больше эти люди не появлялись до начала 80-х, когда человек из КГБ позвонил мне и назначил встречу в редакции «Народов Азии и Африки», где я в то время работал. Но это уже совсем другая история»¹.

Что касается другой «диссидентки» и тоже выпускницы МГИМО (1965 г.), Надежды Георгиевны Федуловой, то и с ней была проведена соответствующая работа. Сначала секретарь первичной парторганизации, по указанию сверху, попросил Федулову в письменной форме изложить причины своего голосования, но она, сославшись на Устав КПСС, не предусматривающий подобных объяснительных записок, отказалась это сделать. Затем Федулову вызвал секретарь парткома Д. Петров и задал ей прямой вопрос: *«Вы что, против социализма?»*. *«Нет»*, — ответила Федулова. — *«Тогда почему вы голосовали против решения нашей партии и руководства социалистических стран в отношении Чехословакии?»*. — *«Я это сделала потому, что считаю это решение ошибочным, наносящим вред социализму. Нельзя утверждать социалистические идеи с помощью танков»*.

Секретарь парткома тут же, в присутствии Надежды Георгиевны, по телефону связался с кем-то из райкома партии и с явным облегчением сообщил: *«Федулова — не антикоммунист»*, после чего повесил трубку. Как вспоминает Федулова, она поняла тогда, что Петров выполнял неприятное для него поручение райкома — выяснить мотивы ее «вызывающего» поведения. Сама Надежда Георгиевна говорит, что с тревогой шла на следующий день на работу, опасаясь не столько репрессий со стороны начальства (она уже прикидывала в уме, чем будет зарабатывать на хлеб в случае увольнения из ИМЭМО), сколько отчуждения напуганных коллег. Ни того, ни другого не произошло. Начальство удовлетворилось ее объяснениями, а коллеги встретили Федулову с нескрываемым сочувствием и молчаливым

¹ Из воспоминаний А.А. Старикова, которыми он любезно поделился с автором публикации. Александр Александрович Стариков в 1959 г. окончил МГИМО и в 1963 г. поступил в аспирантуру ИМЭМО. С 1966 г. работал в должности младшего научного сотрудника аграрного сектора в отделе развивающихся стран ИМЭМО. Впоследствии он работал в журнале «Народы Азии и Африки», а в 1986 г. был приглашен в журнал «МЭ и МО» на должность зав. отделом социальных и политических проблем. Вскоре он стал заместителем главного редактора. С октября 1998 г. Стариков заместитель главного редактора журнала «PRO et CONTRA», издаваемого Московским центром Карнеги.

одобрением¹. Так или иначе, но она, как и Стариков, не дезавуировала свое голосование².

И все же с того августовского дня 1968 г. Федулова прочно попала в категорию «невъездных» и, судя по всему, как и Стариков, пользовалась особым попечением «органов». Тем не менее в Институте она не подвергалась дискриминации со стороны руководства (хотя особо и не поощрялась). Уже в 70-е годы Федулова, защитив диссертацию, опубликовав две монографии и множество статей, выросла в одного из ведущих специалистов по международным проблемам Азиатско-Тихоокеанского региона и внешней политике США, хотя по-прежнему была лишена возможности бывать в научных загранкомандировках и на месте изучать интересующую ее проблематику. «Пражский след» тянулся за ней долгие годы³.

События августа 1968 г., потрясшие либерально мыслящую часть советской интеллигенции, дали КГБ удобную возможность выявить потенциальных инакомыслящих⁴. Даже те, кто не нашел в себе мужества открыто выступить

¹ Федулова вспоминает, что, среди прочих, моральную поддержку в тот трудный момент ей оказала одна ее коллега по сектору, муж которой занимал видное положение в КГБ. Более того, некоторое время спустя, Фаина Ивановна Новик попросила у опальной Федуловой рекомендацию для вступления в КПСС, засвидетельствовав тем самым свое уважение к «диссидентке»// Беседа с Н.Г. Федуловой 20 октября 2003 г.

Когда в 1982 г. партийно-чекистская комиссия, проводившая в ИМЭМО «чистку» от неблагонадежных элементов, попытается вернуться к давнему «делу» Н. Федуловой, то на защиту последней решительно встанет другая генеральша — член партийного бюро отдела международных отношений Маргарита Сергеевна Зиборова, муж которой работал в КГБ. Таковы были парадоксы советской действительности: жены генералов госбезопасности могли открыто, по-человечески сочувствовать инакомыслящим коллегам, а либерально настроенные научные сотрудники в массе своей голосовали «за политику партии и правительства», будучи с ней не согласны.

² Точно так же поступил и муж Федуловой, работавший в другом академическом институте. На состоявшемся там партийном собрании он, как и его жена, проголосовал против оккупации Чехословакии. Как впоследствии стало известно, в десятках институтов АН СССР, где работали многие тысячи научных сотрудников, нашлось лишь 20 человек, осмелившихся на собраниях проголосовать против подавления «пражской весны».

³ Надо сказать, что и сама Федулова не предпринимала никаких усилий для того, чтобы стать «въездной». Это потребовало бы от нее убедительных проявлений раскаяния и других доказательств лояльности, что она считала для себя унизительным. В отличие от некоторых своих коллег, Федулова не стремилась за границу, смирившись, по-видимому, со своим положением.

⁴ По давней традиции, начало которой было положено в 20-е годы, органы ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ постоянно занимались мониторингом общественных настроений. Активность на этом направлении резко возрастала в периоды важных событий (болезнь и смерть Ленина в 1924 г., высылка Троцкого в 1927 г., процессы 1936-1937 гг., нападение нацистской Германии на СССР 22 июня 1941 г., смерть Сталина в 1953 г. и развенчание «культа личности» на XX съезде, военная интервенция в Венгрии в 1956 г., расстрел рабочих в Новочеркасске в 1962 г., отстранение от власти Хрущева в 1964 г., оккупация Чехословакии в 1968 г., начало войны в Афганистане в 1979 г.

против оккупации Чехословакии, как это сделали 25 августа десять демонстрантов на Красной площади или как Надежда Федулова и Александр Стариков в ИМЭМО, в душе осуждали эту акцию. Для многих из них подавление «пражской весны» означало и болезненное расставание с иллюзиями относительно способности коммунистического режима к «очеловечиванию», к его политической либерализации и экономической модернизации.

В 1968 г. «чехословацкая» тема постоянно присутствовала в разговорах, что позволило КГБ, с помощью осведомителей, существенно расширить круг своих «подопечных» из числа тех интеллигентов-либералов, кто ограничивался «кукишем в кармане», но тем не менее представлял, с точки зрения «органов», потенциальную опасность для режима.

В борьбе с «неисправимыми» диссидентами КГБ обычно практиковал привлечение их к уголовной ответственности, а с приходом на Лубянку Ю. Андропова стал также помещать их в психиатрические больницы или насильственно «выдворять» за пределы СССР. С другими инакомыслящими, которых в КГБ не считали «законченными» врагами советской власти, боролись иначе. Их по инициативе Андропова с 1967 г. стали «профилактировать», т.е. официально или конфиденциально предупреждать о «неправильном» поведении, сообщать о политическом «грехопадении» по месту работы или учебы, обсуждать на собраниях, товарищеских судах и т.д. Во всех случаях «профилактированным» закрывался выезд за границу, нередко их изгоняли из престижных организаций (к таковым принадлежал и ИМЭМО), в которых они работали.

Профилактированием инакомыслящих, как и помещением в психиатрические клиники неисправимых диссидентов, занималось созданное в 1967 г. по инициативе Ю. Андропова Пятое Главное управление КГБ, призванное «работать с интеллигенцией». Во главе этой идеологической охраны, под надзор которой Андропов передал также Русскую Православную Церковь и другие религиозные конфессии, был поставлен генерал Филипп Бобков. К Пятому главку и его начальнику с плохо скрываемой брезгливостью относились даже в самом КГБ — профессионалы из внешней разведки и контрразведки¹. Между тем это было любимое детище Юрия Андропова.

Из воспоминаний академика Г.А. Арбатова, близко знавшего Андропова еще с начала 60-х годов:

«Он (Андропов. — П.Ч.) как-то с гордостью сказал, что «работу с интеллигенцией» вывел из контрразведки: нельзя же, мол, относиться к писателям и ученым как к потенциальным шпионам и заниматься ими профессии последующая ссылка академика Сахарова в г. Горький и т.д.). Именно в эти критические для общества периоды органы госбезопасности получали наибольшие «уловы». В их сети попадали новые, ранее не выявленные инакомыслящие, «засветившиеся» в неосторожных разговорах.

¹ А.Н. Яковлев вспоминает, что в 1984 г. В. Крючков, тогдашний начальник внешней разведки КГБ, «Филиппа Бобкова поносил последними словами и представлял человеком, не заслуживающим доверия, душегубителем инакомыслия, восстанавливающим интеллигенцию против партии» // Яковлев Александр. Омут памяти. М., 2000. С. 237.

ональным контрразведчикам. Теперь, продолжал он, все будет иначе, делами интеллигенции займутся иные люди, и упор будет делаться прежде всего на профилактику, на предотвращение нежелательных явлений.

Я тогда... набрался решимости и возразил. Сказал, что, во-первых, не понимаю, почему вообще КГБ должен «заниматься» интеллигенцией. Ведь «не занимается» он, скажем, рабочим классом или крестьянством. Понятно, что если какие-то представители интеллигенции, как и любой другой прослойки общества, становятся на путь преступлений..., то это уже дело КГБ. А остальное, мне кажется, вообще должно находиться в сфере внимания других организаций — ЦК КПСС, творческих союзов и т.д., но не карательных органов.. Во-вторых, мне не кажется привлекательной «профессионализация» сотрудников КГБ в работе с интеллигенцией. Не пойдут ли они по пути тех жандармских офицеров, «работавших» с интеллигенцией при царе, которых описал в «Климе Самине» Горький, по пути чистой «бенкендорфицыны»? Андропова покорило это сравнение, он мне возразил, что я не понимаю реальностей, не знаю всего, что происходит в обществе, и то, что он задумал, означает значительный шаг вперед, отход от плохой старой практики, а отнюдь не возврат к «жандармской» деятельности.

Я высказал ему и еще одно сомнение — что создание специального управления приведет не к сокращению, а к росту числа различных дел и проблем с интеллигенцией. И по очень простым причинам: пока вопросы, связанные с интеллигенцией, оставались в ведении контрразведки, это было все-таки для последней не основным и тем более не единственным занятием. А главным было разоблачение шпионов. Если же будет создано специальное управление, то ему ведь придется оправдывать свое существование и, когда нет реальной работы, ее придумывать, что может привести к возникновению серьезных проблем.

Андропов не принял этих замечаний всерьез, сказав, что я ничего в этом деле не понимаю, но через некоторое время увижу сам, какую эти изменения принесут пользу.

Потом из того, что доводилось слышать, в том числе от Андропова, у меня сложилось впечатление, что работой нового управления он весьма интересовался. И как «неофит» в делах КГБ чем-то в ней даже бывал увлечен, чрезмерно верил сотрудникам этого и других управлений. А его работа оказалась отнюдь не безобидной. В общем, была вписана еще одна постыдная страница в историю деятельности этого учреждения. Произошло немало личных трагедий. Ухудшилась морально-политическая обстановка в стране. Был нанесен дополнительный ущерб нашему образу в глазах мировой общественности¹.

Профилактирование стало приобретать возрастающие масштабы после оккупации Чехословакии, что свидетельствовало о большом числе недоволь-

¹ Арбатов Георгий. Человек СИСТЕМЫ. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. М., 2002. С. 386–388.

ных в СССР этой акцией и последующим ужесточением режима. Согласно данным, приводимым в рассекреченной ныне справке КГБ, направленной в 1975 г. в ЦК КПСС, за период 1967—1970 гг. органами госбезопасности было профилактровано 58 298 советских граждан. 35 316 человек были профилактрованы за «политически вредные проявления», а 5 039 человек уличили в «подозрительных связях с иностранцами и в вынашивании изменнических намерений». Согласно этой справке, 23 611 человек были «профилактрованы с участием общественности»¹.

В ИМЭМО после августа 1968 г. резко возросло число «невъездных»². Это означало, что «под колпак» КГБ попали не только Федулова и Стариков, но и ряд «либералов-конформистов», позволивших себе неосторожные высказывания по поводу оккупации Чехословакии. Интересно, что донос мог поступить не только от своих коллег, но даже из-за границы, что лишний раз свидетельствовало о тесном взаимодействии КГБ и органов госбезопасности стран «социалистического содружества».

Из воспоминаний ветерана ИМЭМО, видного германиста Владимира Владимировича Размерова, на двадцать долгих лет попавшего в 1968 г. в разряд «невъездных»:

«В конце 1968 года я готовился к поездке в Финляндию для чтения лекций. Оформление выезда затянулось, а затем вообще остановилось. Вскоре выяснилось, что я отныне так называемый невъездной (словечко не имеющее аналога в языках цивилизованных стран). Под большим секретом мне сказали, что причиной стало направленное в КГБ восточногерманской охранкой — штази донесение, к которому была приложена кассета с тайной записью моих разговоров в Берлине, где я незадолго до этого побывал.

Резкое осуждение оккупации Чехословакии не столько как преступления, со многими из которых мы приучились мириться, сколько глупейшей и непростительной ошибки разделяли многие. Но в моих словах и выражениях, аккуратно и педантично зафиксированных штази, содержался гораздо больший криминал, а именно, — ни много ни мало, «оскорбление величества». Используя изрядное количество из богатого запаса наших бранных слов (разговор шел на русском), я на все корки ругал Лёлика, т.е. Брежнева, за его возмутительную тупость и безмозглость.

¹ См.: Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 328.

² Назвать точное число невъездных в ИМЭМО крайне трудно, так как эти сведения тогда были секретными. Помимо райотдела КГБ, они были известны только директору, секретарю парткома и начальнику 1-го отдела Института. Приблизительный порядок цифр можно себе представить на примере двух отделов. Из 40 научных сотрудников отдела международных отношений в 70-е годы около 10 человек по различным причинам были невъездными. Из примерно такого же числа сотрудников отдела социальных и внутривнутриполитических проблем выездными были только пять-шесть человек. В беседе с автором бывший директор ИМЭМО (в 1989–2000 гг.) академик В.А. Мартынов сказал, что к началу 80-х годов общее число невъездных в Институте составляло не менее 120 человек (беседа с академиком В.А. Мартыновым 1 марта 2004 г.).

Положение для меня оказалось нелегким. Действительно, с точки зрения власть имущих, человеку столь нагло хулящему нашего уважаемого и обожаемого руководителя и называющего его недоумком и кретинком, можно и должно было поставить весьма определенный и тогда уже часто ставившийся диагноз. Только помощь моего сокурсника и верного товарища Рафаэля Федорова, который вскоре занял в Международном отделе ЦК пост заместителя заведующего (Б.Н. Пономарева), и некоторых других влиятельных друзей спасла меня от психушки. Но почти двадцать лет я был лишен права выезда на Запад; пути научного и общественного роста были наглухо закрыты.

Я старался выяснить, кто был мой доноситель, и в общем узнал о нем. Это тоже целый детектив, в котором приняли участие мои венгерские, польские, чешские и немецкие друзья и даже сам товарищ Янош Кадар.

Но когда рухнула берлинская стена, я сразу же обратился в ведомство Гаука¹. Пять лет потребовалось, чтобы документально установить имя этой гадины. Наконец мне прислали несколько обрывков из многочисленных доносов. Среди них есть датированный летом 1989 года! Все уже в ГДР рушилось, а верный клевет истязи еще источал свой яд»².

К памяtnому 1968 г. относится еще одна история, случившаяся в ИМЭМО. Профсоюзный комитет, а точнее Александр Шебанов, отвечавший в нем за вопросы культуры, попытался организовать в октябре 1968 г. выставку художников-авангардистов из т.н. «Лианозовского кружка», образовавшегося вокруг семьи Кропивницких в середине 50-х годов на волне хрущевской «оттепели». Лидером этого кружка был Оскар Рабин.

После печально известного посещения Никитой Хрущевым 1 декабря 1962 г. художественной выставки в Манеже правящий режим ужесточил борьбу с «формалистическими», «антинародными» тенденциями в культуре, и в частности в искусстве. Попытки «лианозовцев» представить свои произведения вниманию ценителей современной живописи всякий раз пресекались властями. Так, 22 января 1967 г. была закрыта их открывшаяся в тот же день выставка в московском клубе «Дружба», на шоссе Энтузиастов. Лишенные возможности выставляться в общедоступных залах, художники пытались по-

¹ После воссоединения двух германских государств в ФРГ был учрежден пост Федерального уполномоченного по изучению документов Службы государственной безопасности бывшей ГДР. На этот пост был назначен Иоахим Гаук. Ведомство Гаука занималось, в частности лострацией, т.е. выявлением штатных сотрудников и осведомителей «штази».

² Из воспоминаний к.и.н. В.В. Размерова, любезно предоставленных им в распоряжение автора публикации. Еще со времен учебы и работы в МГИМО Размеров дружил с Иноземцевым, но в 1968 г. их прежние отношения испортились во многом из-за описанной истории. Иноземцев, к тому времени уже напрямую работавший с Брежневым, заметно охладил к Размерову. Тем не менее спустя восемь лет, в 1976 г., по свидетельству самого Владимира Владимировича, Иноземцев и Примаков через ЦК и КГБ «пробили» для него право выезда в соцстраны, хотя на Запад его не пускали вплоть до 1987 г.

казать свое творчество хотя бы в закрытых для широкого посещения местах, в частности в академических институтах. Но даже залы и коридоры НИИ далеко не всегда были открыты для художников-неформалов, особенно после августа 1968 г., когда на «идеологическом фронте», к которому в СССР еще с начала 30-х годов была отнесена культура, началось наступление реакции.

В это самое время кто-то из сотрудников ИМЭМО (к сожалению, не удалось установить его имя), друживших с Андреем Тарковским, по рекомендации известного кинорежиссера, предложил местному ИМЭМО организовать выставку Оскара Рабина и других «лианозовцев». В комитете профсоюза, состоявшем из интеллигентных людей, эту идею одобрили и поручили Александру Шебанову (в отделе Западной Европы он был специалистом по экономике ФРГ) заняться организацией выставки. От комитета комсомола активное участие в этом принимал Сергей Сосинский-Семихат.

Н. Иноземцев, выросший в семье художницы, разумеется, поддержал затею с выставкой, но, поглощенный множеством дел, не стал вникать, какие именно художники будут выставляться в его Институте.

В один из октябрьских дней 1968 г. выставка уже была готова принять ценителей авангарда. Первыми (еще до открытия) ее увидели отдельные сотрудники ИМЭМО. Кое-кто успел даже провести туда своих друзей и знакомых со стороны. Вход в Институт в те годы был свободным. Каким-то образом (видимо, при участии самих художников) по городу распространились слухи об открывающейся в ИМЭМО выставке «неформалов», хотя изначально предполагалось, что она организуется исключительно для сотрудников Института. На Ярославскую улицу, где тогда размещался ИМЭМО, устремилась «вся Москва», а заодно иностранные журналисты и даже дипломаты.

Разумеется, к этому мероприятию не мог остаться безучастным и Дзержинский райотдел КГБ, всегда державший «руку на пульсе» институтской жизни. В день открытия выставки его представители явились в ИМЭМО еще до начала рабочего дня и, по всей видимости, первыми ознакомились с экспозицией. Они никак не афишировали себя, занимаясь привычным делом — наблюдением за собиравшейся перед ИМЭМО толпой и фиксированием интересующих их людей.

Как вспоминает тогдашний заместитель секретаря институтского комитета комсомола Дмитрий Симис (Саймс), он, к своему удивлению, обнаружил в стороне от любопытствующей толпы оперативный отряд дружинников МГК ВЛКСМ, вызванный, по-видимому, чекистами. А в толпе выделялась группа воинственно настроенной «неформальной молодежи», предводительствуемая Андреем Амальриком, который вскоре получит широкую международную известность как один из лидеров советского диссидентского движения. Симис понял, что не исключена потасовка между силами порядка и любителями авангардной живописи.

В это время в Институт срочно прибыл Иноземцев, которому сообщили по телефону о назревавшем скандале, чреватом большими неприятностями. Не раздеваясь, он прошел на второй этаж, в зал, где разместилась экспозиция. Как вспоминают очевидцы, его блуждающий по картинам взгляд внезапно остановился на натюрморте работы Рабина с изображением початой бутылки

водки, выдавшего виды граненого стакана, краюхи черного хлеба и полуразделанной селедки.

Что могло здесь привлечь внимание Иноземцева?. Казалось бы, в натюрморте представлены обычные для досуга советского человека предметы...

«Крамола» состояла в том, что художник разместил эти предметы не на скатерти и даже не на деревянной поверхности стола, а на газете «Правда» да еще с передовицей и чуть ли не с фотопортретом «самого».

Говорят, Иноземцев переменялся в лице. Все знали, что в гневе он бывал страшен и обычно не стеснялся в выражениях. Это был как раз тот самый случай. И дело было уже не в содержании выставки, а в неминуемом скандале, который разразится в случае ее открытия. Иноземцев оказался перед дилеммой: либо он предотвратит конфликт собственными силами, либо в дело вмешаются чекисты и вызванные ими комсомольские оперативники.

Директор приказал немедленно «прекратить это безобразие». Он распорядился заблокировать вход в Институт. В зал, где разместились экспозиция, срочно внесли три десятка стульев и устроили там партийно-производственное собрание отдела международных отношений. Сотрудники отдела получили неожиданную возможность подробно рассмотреть вывешенные по стенам картины. Разумеется, никто не вникал в то, что там говорил докладчик и другие выступающие. Тем временем на переговоры с Андреем Амальриком отправили хорошо его знавшего Дмитрия Симиса, которому удалось убедить вожака «неформалов» не провоцировать КГБ на схватку перед зданием академического института. А собравшейся толпе было объявлено, что открытие выставки отменяется. К счастью, публичного скандала удалось избежать.

Из воспоминаний ветерана ИМЭМО, доктора экономических наук Юрия Бенциановича Кочеврина:

«Выставка «неофициальных» художников в ИМЭМО свалилась на сотрудников Института и на его руководство, буквально, как снег на голову. Ее открытие должно было состояться в один из октябрьских дней 1968 года. Никто толком не знал, кем и как она была санкционирована и подготовлена. Конечно, мне помнится, что еще загодя Саши Шебанов, ответственный в месткоме за культурную работу, говорил о готовящейся выставке и называл некоторых из ее участников, в частности, Оскара Рабина, который был широко известен в кругах московской творческой и технической интеллигенции, но картины которого не попадали в официальные экспозиции. <...>

ИМЭМО, как и ряд других академических институтов, пользовался определенными привилегиями в культурной сфере. Так, в ИМЭМО, еще до этого события, прошла выставка замечательной художницы Алисы Порет, на которую официальные круги смотрели косо, поскольку она была в прошлом тесно связана с ленинградской группой «обереутов» и непосредственно с Даниилом Хармсом. Весьма шумно в Институте прошла «творческая встреча» с Ильей Глазуновым. Выставлялись в ИМЭМО и другие художники.

Однако на этот раз дело обстояло иначе. В день открытия выставки, когда в зал еще никого не пускали, я с моей женой, Наталией Брагиной, про-

ники туда, в силу близкого знакомства с организаторами, и были поражены размерами и качеством экспозиции. На выставке были представлены работы самых известных из числа так называемых «чуланых» художников. (Это название они получили потому, что ни у кого из них не было приличной мастерской, которой владели все признанные властями художники. Все же остальные, в силу хронического жилищного кризиса, работали, в лучшем случае, в коммуналках типа чуланов). Из имен, представленных на выставке, мне запомнились: О. Рабин, Е. Кропивницкий, Д. Плавинский, Б. Свешников, В. Немухин, Л. Мастеркова. Но это далеко не полный список.

Я с наслаждением рассматривал экспонированные работы. Выставка была стилистически необыкновенно разнообразной. Пожалуй, в этом была ее основная особенность и ее главное отличие от официальных выставок, которые, даже при наличии интересных работ, отличались удивительной монотонностью, своего рода «советским каноном». В ней, на мой взгляд, не было ничего антисоветского. Правда, уже после ее запрета, некоторые «партийные товарищи» доверительно объясняли взволнованному институтскому сообществу, которому так и не удалось увидеть выставку, что на одной картине Рабина «в воде видно отражение церкви, но над водой церковь отсутствует!». Может быть, что-то в таком духе и было. Рабин очень острый художник. Но я, право, ничего такого не заметил. Может, мой взгляд привлекали «не протокольные», а иные качества живописи.

Тем временем на этаже происходило нечто непонятное. По коридору прохаживались люди, недвусмысленно говорившие, что выставку открывать нельзя. Слышались возмущенные фразы о политической провокации. Спустившись этажом ниже, я увидел, что в вестибюле уже неспокойно. В двери входили люди явно иностранного вида. Позже выяснилось, что это были аккредитованные в Москве журналисты. В самом факте прихода на выставку журналистов, казалось, не было ничего необычного. Но просто до этого не было прецедента прихода в Институт иностранцев без специального приглашения. К этому моменту на лестнице уже выстроилось живое заграждение для желающих попасть наверх. Слышались возмущенные возгласы собравшихся внизу. Именно в это время в Институте появился его директор Н. Н. Иноземцев, мрачно прошедший наверх мимо начальника первого отдела, начальника отдела кадров и секретаря парткома, ревностно охранявших территорию Института от вторжения нежелательных посетителей.

Буквально через полчаса после того, как мы с женой «тайно» осмотрели выставку, она была официально закрыта, так и не открывшись для посетителей. Администрация Института постаралась замазать это событие и не допустить нежелательного резонанса на страницах советской прессы. А спустя некоторое время в Институте была установлена строгая пропускная система, и из сравнительно доступного для людей научного института он превратился в режимное учреждение. Слишком напугал бюстителей идейной чистоты этот выплеск несанкционированного искусства, привлекивший такое повышенное внимание журналистов. Хотя последних можно

понять — что еще им было делать в Москве, как не стремиться на любое событие, выходящее за рамки официальной рутины»¹.

«Козлами отпущения» в этой истории стали Александр Шебанов и Сергей Сосинский-Семихат. Оба они получили выговоры. Первый — как член КПСС, второй — как член комитета комсомола.

Вообще, надо сказать, в общении с неформальным изобразительным искусством Институту роковым образом не везло. В начале 1974 г. небольшая группа молодых научных сотрудников ИМЭМО (пять—шесть человек, в том числе и автор этой книги) побывала на квартире у художника Александра Меламида² и ознакомилась с его работами и с работами его жены — Екатерины Арнольд, тоже художницы³. Алик Меламид и его друг Виталий Комар работали совместно и были известны как создатели нового направления в искусстве советского авангарда 70-х годов — «соцарта». Искусство Меламида — Комара, отмеченное озорством и даже мистификацией, к тому времени было уже «широко известно в узких кругах», а сами художники-изгои, как вскоре выяснилось, находились «под колпаком» КГБ.

Через несколько дней после этого «культпохода» на Ленинский проспект, где проживал Меламид, всех его участников поодиночке стали вызывать «на исповедь». С каждым была проведена профилактическая беседа о недопустимости контактов с «художниками-антисоветчиками». Вразумляли нарушителей идеологической дисциплины (надо признать, с разной степенью ретивости, а иногда даже и с нескрываемым сочувствием) секретари партбюро тех отделов, в которых они работали. Досталось «на орехи» побывавшему у Меламида Николаю Косолапову, помощнику Иноземцева, которому объяснили, что столь легкомысленным поведением он подставляет под удар не только себя, но и своего шефа, кандидата в члены ЦК КПСС. Но хуже всего обошлись с талантливым молодым экономистом Т.К. Беседовавший с Т.К. представитель Дирекции, которого, некоторые подозревали, возможно и безосновательно, в связях с «органами», в весьма грубой форме напомнил ему о пресловутом «пятом пункте» и пообещал, что он «первым вылетит из Института», если не будет вести себя надлежащим образом. Через некоторое время, оскорбленный таким обхождением Т.К. сам ушел из ИМЭМО и даже сменил специальность.

Что же касается Меламида и Комара, то спустя полгода они стали участниками знаменитой «бульдозерной выставки», устроенной 15 сентября 1974 г.

¹ Из воспоминаний д.э.н. Ю.Б. Кочеврина, любезно предоставленных им в распоряжение автора.

² Отец художника, профессор Д.Е. Меламид (Мельников), заведовал европейским сектором в ИМЭМО, но к истории с визитом институтских коллег к своему сыну отношения не имел.

³ Екатерина Арнольд, занимавшаяся тогда преимущественно портретной живописью, — родная сестра всемирно известного математика, лауреата Ленинской премии (1965), академика (с 1990 г.) В.И. Арнольда, который в 60-70-е годы был невыездным и даже преследовался властями за неоднократные выступления в защиту своих коллег-ученых, подвергавшихся политическим гонениям.

«на пленэре» в районе окраинного и не застроенного в то время Беляево-Богородское (теперь на этом месте, у выхода из станции метро «Коньково», расположен супермаркет)¹. На этой скоротечной выставке были замечены и отдельные сотрудники ИМЭМО. Среди них 58-летний профессор Д. Е. Меламид, который, несмотря на возраст и тщедушную комплекцию, мужественно отбивал у «народных дружинников» картины своего сына и сносил их в стоявший неподалеку старенький «Москвич». И все же несколько работ Александра Меламида и Виталия Комара спасти не удалось. Они погибли под гусеницами бульдозеров и экскаваторов, как и целый ряд работ других художников².

Скандал с «бульдозерной выставкой», о разгроме которой в тот же день сообщили все мировые информационные агентства, всерьез напугал власти. Уже 29 сентября того же года на поляне московского парка «Измайлово» открылась первая в СССР однодневная официально разрешенная выставка 70 художников-нонконформистов. Она получила название «Полдня свободы»³.

А 20 февраля 1975 г. на ВДНХ, в павильоне «Пчеловодство», открылась новая выставка художников-нонконформистов. За время работы выставки ее посетили большинство научных сотрудников ИМЭМО, располагавшегося тогда по соседству с ВДНХ.

Следующая история связана с именем молодого, подававшего надежды научного сотрудника Александра Гаджиевича Шахназарова.

Он родился в 1947 г. в интеллигентной московской семье. Его отец был врачом в поликлинике МГУ. Мать работала в Институте органической химии АН СССР. По окончании средней школы Александр Шахназаров год отработал техником-лаборантом в академическом НИИ, а в 1965 г. поступил на вечернее отделение экономического факультета МГУ. В октябре 1966 г. он был принят на работу в отдел технико-экономических исследований (ОТЭИ) ИМЭМО в качестве научно-технического сотрудника, а три года спустя был переведен в сектор экономики и государственно-монополистического регулирования США. Этим сектором заведовал заместитель директора Института д.э.н. С.М. Меньшиков, обративший внимание на способного молодого сотрудника. Шахназаров был симпатичным, располагавшим к себе человеком.

Гром грянул в сентябре 1971 г., когда было созвано внеочередное заседание комитета комсомола Института. Собравшихся буквально ошарашили сообщением об «антисоветском» поведении члена ВЛКСМ Александра Шахназарова,

¹ В этой не санкционированной властями выставке приняли участие 24 художника-авангардиста: А. Меламид, В. Комар, О. Рабин, Л. Мастеркова, В. Немухин, Е. Рухин и др. Едва открывшись, выставка была буквально разгромлена «народными дружинниками» с помощью бульдозеров и экскаваторов, вызванных якобы для проведения на пустыре в Беляево лесопосадочных работ.

² В 1977 г. А. Меламид и В. Комар эмигрировали из СССР и обосновались в США, где вскоре вошли в число наиболее известных американских художников.

³ Вскоре властями было принято решение о создании при Московском горкоме графики секции живописи, в которую вошли многие из художников-нонконформистов, лишенных до тех пор какого-либо социально-профессионального статуса.

который, встречаясь в частном порядке с иностранцами (что само по себе было запрещено), позволял себе грубые выпады по адресу советской власти. Но самое главное его прегрешение состояло в том, что он, якобы, был сообщником некоего Михеева, пыгавшегося бежать на Запад. Был поставлен вопрос об исключении Шахназарова из комсомола и его увольнении из Института.

Дмитрий Симис, исполнявший тогда обязанности секретаря комитета ВЛКСМ, а также некоторые другие члены комитета выразили сомнения в обоснованности выдвинутых против Шахназарова обвинений.

В это время слово попросил присутствовавший на заседании, никому не известный человек с невыразительным лицом, представивший сотрудником Дзержинского райотдела КГБ, курировавшего ИМЭМО. Чекист вынул из портфеля сброшюрованную папку с документами. В нескольких местах в ней были закладки. Он открывал папку на месте очередной закладки и зачитывал отмеченные им места, иногда по целой странице, а то и по две—три. Это напоминало авторскую читку пьесы с диалогами действующих лиц — Шахназарова, его жены, супругов Михеевых и еще каких-то лиц с иностранными именами. По ходу чтения сотрудник КГБ давал соответствующие пояснения, которые не должны были оставить никаких сомнений в «грехопадении» Шахназарова. Из комментариев (да и из самого объема пухлой папки) стало ясно, что КГБ «разрабатывал» Шахназарова не со вчерашнего дня, слежка за ним и Михеевым велась, видимо, давно.

Стало ясно, что это магнитофонная запись, сделанная с помощью «жучка». Разговор между Шахназаровым, его женой и их друзьями был записан в общежитии МГУ. Ничего не подозревавшие собеседники «перемывали кости» советскому режиму, которому досталось по полной программе — и за репрессии 30—40-х годов, и за Венгрию, и за Чехословакию, и за подавление всякой свободной мысли в собственной стране, и за бездарную экономическую политику, ведущую страну в тупик...

Но это были лишь «цветочки». Зачитывая избранные места, чекист постепенно приближался к кульминации «пьесы», когда супруги Шахназаровы и их друзья перешли к детальному обсуждению плана побега из СССР в Финляндию, готовившегося Михеевым. Из зачитанных отрывков разговора следовало, что Шахназаров полностью поддерживал намерение «изменника Родины» Михеева, которому он дал даже ряд практических советов по реализации его плана.

Участники заседания были потрясены услышанным. Никому даже в голову не пришла мысль о противозаконности этой магнитной записи с точки зрения нормального судопроизводства. Но, как известно, такого рода записи и не фигурировали на процессах 50—80-х годов. Следствие обычно предъявляло их только подследственным и свидетелям (соучастникам), которых таким образом припирали к стене, заставляя признать подлинность записи. Далее все оформлялось протоколом допроса как добровольные показания того или иного лица.

Все эти вещи, понятные сейчас, тогда, в начале 70-х годов, были неведомы генетически запуганным советским гражданам — даже тем из них, кто работал в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР.

Когда встал вопрос о принятии решения по «персональному делу комсомольца Шахназарова», председательствовавший на заседании Дмитрий Симис, поддержанный членами комитета, предложил ограничиться строгим выговором с занесением в учетную карточку члена ВЛКСМ и обязательством взять Шахназарова «на поруки» комсомольской организации ИМЭМО в целях его «идеологического перевоспитания».

«О чем вы здесь говорите? — резко ответил Симису чекист. — Какой строгий выговор!?. Вы что, не понимаете, что Шахназаров может пойти под суд за пособничество изменнику Родины»¹?

И все же было решено отложить окончательное рассмотрение этого вопроса до очередного заседания комитета комсомола. За это время секретарь комитета ВЛКСМ Стас Кибирский (отсутствовавший на последнем заседании), его заместитель Дмитрий Симис и член комитета Игорь Иванов² должны были прояснить позицию директора Института и секретаря парткома по «делу Шахназарова»: согласятся ли Н. Иноземцев и С. Салычев поддержать комитет комсомола в защите Шахназарова. В результате им удалось выяснить, что КГБ категорически настаивает на его увольнении из Института, но вместе с тем он не намерен возбуждать против Шахназарова уголовное дело. Стало известно и другое — сам Шахназаров согласился с предложенным ему чекистами компромиссом.

Об этом он заявил на втором заседании комитета ВЛКСМ, собравшемся по его «персональному делу». Шахназаров сказал, что до конца осознал степень своей вины и готов ее искупить. В обмен на свободу он согласился с требованием КГБ о своем «перевоспитании в рабочем коллективе»³.

В сложившейся ситуации комитету ВЛКСМ не оставалось ничего другого как исключить Александра Шахназарова из комсомола. Приказом Дирекции от 28 сентября 1971 г. он был уволен из Института⁴.

По каким-то своим соображениям в КГБ решили ограничиться публичным профилакированием Шахназарова, который был определен для «трудового перевоспитания» на один из московских заводов. На его научной карьере был поставлен крест. Нетрудно догадаться, что эта история сломала жизнь 24-летнему молодому человеку...

А год спустя весь Институт живо обсуждал первый в его истории случай эмиграции научного сотрудника. При этом речь шла не о мало кому известном человеке, а о Дмитрие Симисе, считавшемся одним из самых способных моло-

¹ Из личных воспоминаний автора.

² Будущий министр иностранных дел России Игорь Иванов был в то время помощником директора ИМЭМО Н.Н. Иноземцева, а Дмитрий Симис — одним из ближайших сотрудников секретаря парткома С.С. Салычева.

³ Тридцать лет спустя, летом 2003 г., случайно встретив Шахназарова в метро, я попросил его изложить свою версию той давней истории, но Александр Гаджиевич решительно отказался это сделать и поспешно удалился. — П.Ч.

⁴ Личное дело А.Г. Шахназарова. Архив ИМЭМО РАН. Этот приказ был издан под грифом «Для служебного пользования», дабы не привлекать к «делу Шахназарова» излишнего внимания.

дых ученых, подававших большие надежды. К тому же в течение нескольких лет он был заместителем секретаря комитета ВЛКСМ ИМЭМО.

История с отъездом на ПМЖ за рубеж могла в то время вызвать настоящий скандал, если бы Симис по собственной инициативе предусмотрительно не уволился из ИМЭМО, прежде чем подавать заявление на выезд из СССР¹. Это избавило его самого от унижительных разбирательств в «трудовом коллективе» и в комитете комсомола ИМЭМО, а дирекцию и партком — от неизбежных объяснений в вышестоящих органах и очевидных неприятных последствий (хотя полностью последних избежать не удалось).

Дмитрий Константинович Симис, широко известный теперь как американский политолог Д. Саймс, родился в Москве в 1947 г. в интеллигентной семье. Его отец читал курс международного права в МГИМО, пока не был оттуда изгнан в период антисемитской кампании по борьбе с «безродными космополитами». Впоследствии он работал в Институте советского законодательства в должности старшего научного сотрудника. Мать Симиса, Дина Каминская, состояла в Московской городской коллегии адвокатов. Широкую известность ей принесло участие в качестве защитника на процессах диссидентов. Она защищала Юрия Галанскова, Павла Литвинова, Владимира Буковского, Илью Габая и других «внесистемных диссидентов». Участие в этих процессах превратило саму Дину Каменскую в активного правозащитника с устойчивой диссидентской репутацией, за что ее исключили из Московской коллегии адвокатов, а в 1977 г. вынудили эмигрировать из СССР.

Стоило ли удивляться, что ее сын Дмитрий едва не попал в число диссидентов. По окончании средней школы в течение года он работал научно-техническим сотрудником в Государственном Историческом музее, а затем поступил на дневное отделение исторического факультета МГУ, откуда со второго курса вынужден был перейти на заочное, после того как вступил в опасную полемику с преподавателем истории КПСС относительно оценки ленинских трудов. Одновременно Симис устроился на работу в Фундаментальную библиотеку общественных наук АН СССР (ныне ИНИОН РАН).

Продолжая заочную учебу на истфаке, Дмитрий, серьезно заинтересовавшийся антропологией, в 1966 г. поступил на дневное отделение биолого-почвенного факультета МГУ. Правда, проучиться там ему довелось всего один семестр. В январе 1967 г. Симиса отчисляют с дневного отделения биофака за «антисоветские высказывания» на молодежном диспуте, посвященном осуждению войны США во Вьетнаме. Дмитрий и кое-кто из его друзей-студентов позволили себе усомниться в целесообразности фактического участия СССР в войне на стороне Вьетнама, получавшего обильные поставки в виде вооружений, продовольствия и денежных средств, столь необходимых собственной стране для нормального экономического развития. Устроителям диспута из горкома комсомола не понравились и высказывания Дмитрия Симиса о необходимости «улучшения социализма».

¹ Д. Симис вначале взял очередной отпуск и еще до его окончания подал заявление об увольнении из Института.

Пришлось доучиваться на заочном отделении истфака. Диплом по одной из проблем новейшей истории США он защитил в 1969 г. Научный руководитель дипломной работы намеревался взять Дмитрия Симиса к себе в аспирантуру, однако Ученый совет факультета, руководствуясь сугубо идеологическими соображениями, выдал Симису не целевую (для МГУ), а общую рекомендацию в аспирантуру.

Впрочем, это уже не имело принципиального значения для Дмитрия. Еще в сентябре 1967 г. ему удалось устроиться на работу в Институт мировой экономики и международных отношений. Как вспоминает сам Симис, помогли прежние связи отца, у которого когда-то учились его, ставшие уже докторами наук и профессорами, бывшие студенты — Н.А. Сидоров, Г.И. Морозов и В.М. Шамберг. Первый был заместителем директора ИМЭМО, а два других заведовали там отделами.

Дмитрий Симис был зачислен в группу США Отдела информации, которым в то время руководил Владимир Михайлович Шамберг. Начав с более чем скромной должности научно-технического сотрудника с месячным окладом 74 рубля, Симис очень скоро выдвинулся в число наиболее перспективных молодых ученых, хотя к тому времени еще не получил диплом о высшем образовании. Он активно включается в общественную работу, много и успешно выступает с публичными лекциями по международной проблематике, становится членом, а затем и заместителем секретаря комитета ВЛКСМ ИМЭМО.

В октябре 1970 г. его переводят из отдела информации в сектор политических проблем антимонополистической борьбы. Заведующий сектором С.С. Салычев доверил Симису разработку самостоятельной темы, что для старшего научно-технического сотрудника было исключением из правил. Еще через год Симис успешно проходит конкурс на замещение должности младшего научного сотрудника по специальности «социально-политические проблемы США». К весне 1972 г. у него уже была написана одобренная научным руководителем (А. Брычковым) и сектором кандидатская диссертация. Предстояла скорая защита.

Из служебной характеристики Д.К. Симиса (декабрь 1971 г.):

<...> «За четыре года работы в Институте тов. Симис Д.К. зарекомендовал себя инициативным, исполнительным и творчески мыслящим работником, глубоко интересующимся проблемами политической борьбы трудящихся в странах развитого капитализма. Все плановые работы и отдельные задания выполнялись им своевременно и на высоком научно-теоретическом уровне. За безупречную работу тов. Симис Д.К. был трижды премирован. На конкурсе работ младших научных сотрудников без степени ИМЭМО 1971 года его статья «Рабочий класс в политической жизни США» (объем — 1 п.л.), подготовленная к публикации в «Информационном бюллетене ИМЭМО», была удостоена второй премии.

Помимо этого тов. Симисом Д.К. опубликовано восемь научных статей по проблемам антимонополистической борьбы в США общим объемом около 5 печатных листов.

Тов. Симис регулярно выступает со статьями по социально-политическим проблемам США на страницах периодической печати («Комсомольская правда», «Литературная газета» и т.д.)

В настоящее время тов. Симис Д.К. приступил и успешно справляется с разработкой темы по вопросам достижения рабочего единства в странах развитого капитализма. Одновременно тов. Симис успешно работает над своей диссертационной работой по теме «Новое левое движение в антимонопольной борьбе США», рукопись которой в объеме 10 печ. листов представлена для обсуждения на заседании сектора. Им отлично сданы все экзамены кандидатского минимума.

Хорошую производственную работу тов. Симис Д.К. сочетает с большой общественной деятельностью, являясь зам. секретаря комсомольской организации Института, председателем бюро международной секции Лекторской группы МГК ВЛКСМ. Часто выступает с лекциями по заявкам МГК КПСС». <...>¹

Казалось бы, перед Симисом открывалась перспектива карьеры преуспевающего научного работника. И вдруг 3 июля 1972 г. он подает в дирекцию обескураживающее заявление об увольнении из Института.

Д. Симиса приглашает к себе в кабинет Е.М. Примаков, замещавший тогда отсутствовавшего Н.Н. Иноземцева, и просит объяснить, что побудило его к столь неожиданному решению.

Симис сообщил Примакову о намерении добиваться выезда из СССР на ПМЖ в США, подчеркнув, что решение его твердое и окончательное. Поскольку он понимает, что это может повредить репутации Института в глазах инстанций, то и решил прежде уволиться из ИМЭМО, а уж затем начать оформление документов на выезд.

Предложенный вариант в принципе вполне устраивал дирекцию, так как избавлял ее от неприятной необходимости разбираться с «делом Симиса». Тем не менее, Примаков посоветовал Симису еще раз подумать о целесообразности его намерений, заявив о готовности оставить его в Институте. Убедившись в тщетности своих усилий, Евгений Максимович подписал заявление Симиса, уже завизированное С.С. Салычевым, который был буквально потрясен решением своего любимца. В скором времени и сам Салычев покинет ИМЭМО, перейдя на работу в Институт всеобщей истории...

«Одиссея» с отъездом Дмитрия Симиса из Советского Союза затянулась более чем на полгода. За это время ему даже довелось в ноябре 1972-го отсидеть две недели в КПЗ за участие в какой-то акции протеста в здании Центрального телеграфа, на улице Горького (ныне Тверская), в самом центре Москвы. В действительности Симис не имел прямого отношения к этой акции, хотя был знаком с ее участниками. В это время он сидел со своей приятельницей

¹ Характеристика подписана академиком Н.Н. Иноземцевым, секретарем парткома С.С. Салычевым, председателем месткома С.М. Загладиной и секретарем комитета ВЛКСМ Л.С. Воронковым (личное дело Д.К. Симиса. Архив ИМЭМО РАН).

в одном из кафе по соседству с Центральным телеграфом. Выйдя из кафе, Дмитрий подошел к телеграфу, у которого собралась толпа зевак. Здесь он согласился выполнить просьбу одного из иностранных корреспондентов, которых милиция не пропускала к заблокированным в здании диссидентам выяснить, каковы их требования. Симис сумел пройти внутрь, переговорить со своими знакомыми, а затем передать представителям иностранной прессы заявление протестующих. За это он и был задержан вместе с ними.

В конечном счете его вопрос благополучно разрешился после вмешательства премьер-министра Франции Жака Шабан-Дельмаса и сенатора Губерта Хэмфри, бывшего вице-президента США, которые лично обратились с соответствующими просьбами к главе советского правительства А.Н. Косыгину. Оба именитых ходатая действовали под давлением международных еврейских организаций, борющихся за свободу выезда для советских евреев.

В январе 1973 г. Дмитрий Симис наконец покинул Москву и через Вену направился в США.

Оказавшись в Новом Свете, он поставил перед собой весьма амбициозную цель — не только интегрироваться в американское общество, но и войти в первый ряд ведущих специалистов по Советскому Союзу. Учитывая, сколько видных советологов в годы холодной войны возделывали эту благодатную почву, поставленная цель была, мягко говоря, труднодостижимой. Тем не менее со временем она была достигнута.

Этому помогли не только природные способности и целеустремленность Симиса, сумевшего быстро адаптироваться в новой среде и успешно переквалифицироваться из советского американиста в американского советолога, но и верно выбранная им позиция, с которой он анализировал ситуацию в СССР. В отличие от многих советологов в США (особенно из числа бывших советских граждан), кормившихся от банальной антисоветской пропаганды, Дмитрий Симис пытался понять смысл и направление эволюции советского режима и на этой основе прогнозировать будущее отношений двух сверхдержав.

Безусловно, ему помогли связи, установленные с влиятельными кругами в Республиканской партии. Вскоре после приезда в США он наладил контакт с Ричардом Пёрлом — в то время помощником сенатора Генри М. Джексона (одного из авторов знаменитой «поправки Джексона—Вэника», заблокировавшей в 1974 г. экономические отношения между СССР и США). Р. Пёрл считался восходящей звездой на вашингтонском Олимпе¹. Очень скоро, правда, пути Симиса и Пёрла разошлись. Симис с самого начала ориентировался на умеренных республиканцев, проявлявших готовность к диалогу и сотрудничеству с Советским Союзом, а Пёрл принадлежал к воинственно настроенному правому крылу Республиканской партии, призывавшему вашингтонскую администрацию к силовому подходу в отношении с СССР.

¹ В администрации Р. Рейгана он займет пост заместителя министра обороны США. В 2000–2003 гг. Р. Пёрл был председателем Совета по оборонной политике при Министерстве обороны США и одновременно неофициальным советником президента Джорджа Буша-младшего.

У Симиса сложились добрые отношения с Брентом Скоукрофтом, который станет советником по национальной безопасности президентов Джеральда Форда и Джорджа Буша-старшего, а также с Джеймсом Шлезинджером, одно время возглавлявшим ЦРУ и Министерство обороны США. При поддержке своих влиятельных друзей Д. Симис возглавил Центр советских и европейских исследований Фонда Карнеги, которым руководил более десяти лет.

Еще в середине 80-х годов он познакомился с бывшим президентом США Ричардом Никсоном и вскоре стал одним из наиболее близких его сотрудников. Дмитрий Симис сопровождал Никсона во время его последних приездов в Россию. Незадолго до смерти бывшего президента-республиканца в 1994 г. на базе Фонда Никсона был создан одноименный Исследовательский центр, директором которого был назначен Дмитрий Саймс¹, ведущий американский эксперт по политическим проблемам современной России.

Такова необычная судьба одного из бывших сотрудников ИМЭМО. Надо сказать, что после отъезда из СССР он никогда не говорил ничего дурного об Институте, в котором проработал без малого пять лет.

Дмитрий Саймс подтверждает и сегодня, что ИМЭМО в советские времена, в условиях холодной войны, играл важную и — главное — весьма позитивную роль в поисках новых, реалистических подходов к отношениям с Западом. Вот его мнение по этому поводу, выраженное в письме к автору книги:

«Я думаю, что ИМЭМО играл достаточно конструктивную роль в советский период. Хотя его влияние на принятие текущих политических решений было ограниченным, тем не менее, Институт внес весомый вклад в этот процесс. Во-первых, он оказывал значительное влияние на обсуждение внешнеполитических вопросов, внося элементы реализма и свежие мнения. Во-вторых, некоторые его ведущие исследователи имели прямой выход на высшее руководство и были в состоянии, посредством участия в написании речей и партийных постановлений, сделать эти документы менее доктринерскими. И, наконец, Институт являлся школой формирования специалистов в области внешней политики с неортодоксальными взглядами. Некоторые из них заняли видные посты в эпоху перестройки и в постсоветский период. Как человек, в течение 30 лет работающий в американских «мозговых центрах» и знающий многих политических деятелей США, я полагаю, что лучшие и наиболее талантливые ученые из ИМЭМО, действовавшие в сложных и уникальных советских условиях, по своему интеллектуальному потенциалу и порядочности — если не по своей научной продукции — не уступали своим американским коллегам»².

Подводя итог, можно констатировать, что «инакомыслие» в ИМЭМО, применяя понятие, предложенное Е.М. Примаковым, в целом носило «внутриси-

¹ Получив американское гражданство, Дмитрий Симис привел свою фамилию в соответствии с правилами английской орфографии.

² Письмо Д. Саймса от 25 февраля 2003 г., адресованное П. Черкасову (из личного архива автора).

стемный», вполне мирный характер. Либералы, конечно же, критиковали между собой режим, но пресловутый «кукиш» предпочитали «держат в кармане».

Примером характерного для советских времен «раздвоения личности» у многих интеллигентов-либералов, их своеобразной «внутренней эмиграции», может служить один из старейших и ведущих ученых ИМЭМО, доктор экономических наук Яков Александрович Певзнер, который в течение нескольких десятилетий вел дневниковые записи, опубликованные только в 1995 г. Среди советских экономистов он был одним из самых образованных марксистов. Судя по его дневниковым записям, по крайней мере к концу 60-х годов Певзнер окончательно разочаровался и в «реальном социализме» и в ленинизме как политической теории.

Из дневниковых записей Я.А. Певзнера, относящихся к 70-м годам:

<...> (1970 г.). «Неужели мы обречены на вечный «кукиш в кармане», неужели нам грозят столетия загнивания и судьба древних царств и империй, Египта, Вавилона, Рима? В истории есть примеры не только гибели сил, бывших или казавшихся могучими, но и сохранения и обретения могущества силами, казавшимися поверженными или ничтожными. Это — христианство. Это история еврейского народа после его изгнания из Иудеи. Это — масонские братства. Это — Индия и Китай. А вспомните Бухенвальд, где в глубоком подполье, в подвале была «комната Тельмана», где обреченные, казалось бы, люди создали партийную организацию.

Да-да, надо помнить и то, и другое. И безвозвратную гибель одних, и воскрешение из пепла других. Но главное — надо видеть, что, если другие народы погибали от внешних сил, то советскому народу угрожают гибелью силы внутренние. <...>

На днях я слушал доклад члена коллегии Госплана, некоего Rogovского. Он привел цифры, обнаруживающие очень плохое положение в хозяйстве, а потом добавил: мы не можем публиковать такие цифры, у нас ведь прекрасная молодежь, верящая в наше дело. Мы должны ее оберегать от видения наших недостатков и недоработок. Ну, а правительство? Его мы должны информировать, но осторожно, так, чтобы наша нынешняя информация не пришла в столкновение с прежними данными, которые мы им давали. Так прямо и сказал перед сотней слушателей. <...>

Наш общественный строй — яркий пример справедливости известной поговорки: «Бог правду знает, да не скоро скажет». Теоретическая вздорность и нелепость нашего общественного устройства, нашего антисоциализма вполне ясны, но разве есть какая-нибудь видимая перспектива его ликвидации? Это тот случай, когда нельзя жить будущим. «Светлое будущее» такой же вздор, как и светлое настоящее. <...>

(1971 г.). Мы везде держимся только силой оружия. Наше идейно-политическое влияние ничтожно. Уйди наши войска из Польши, Венгрии, Чехословакии или ГДР — сколько бы там продержались просоветские правительства? Месяца бы не продержались. А компартии? В Италии

и Франции некоторые успехи только потому, что они (компартии) против нас. После того, как в 1969 году справили 50-летний юбилей давно распущенного Коминтерна, в капиталистических странах, за редким исключением (Италия — и то надолго ли?), нет массовых компартий, которые могли бы претендовать на демократическое участие в правительстве. <...>

Продумали ли Вы, уважаемый товарищ Певзнер, до беспощадного конца: что было бы, если бы у нас победила демократия? С государственной точки зрения развал немедленный и неотвратимый: кроме Белоруссии, все бы вышли из Союза... В социальном смысле — немедленное и неотвратимое возрождение мелкой собственности и крупной частной торговли. В общежитийском смысле — все потенциальные силы гангстеризма во всех его разновидностях в действии (если что и доказано до конца, так это то, что воровство и гангстеризм вовсе не связаны с частной собственностью). В нашем социалистическом отечестве воруют гораздо больше, так как у государства воровать гораздо легче, чем у частного лица. У нас получить незаконно эшелон дефицитного леса легче, чем вору украсть бумажник. Казнокрадство — вот объект деятельности сотен и сотен тысяч «воров-чародеев». <...>

Все, что партийные органы делают в области «социалистического соревнования» и в хозяйстве — это показуха и очковтирательство, обман других и себя, бесцельная или вредная трата сил. Но стоит им узнать о том, что на вверенных им участках появился машинописный экземпляр романа Солженицына, что кто-то рассказывает о содержании иностранных радиопередач, как тут же подымается на ноги и хватается за мечи «вся королевская рать». Исходя из существующих реальностей, я не вижу в настоящее время иного пути, кроме создания нелегального или полуплеганального духовного братства свободы. <...>

Люмпен-интеллигенция. Союз люмпен-пролетариата и люмпен-интеллигенции — такова была социальная основа Октября. <...>

(1975 г.). Нельзя придумать ничего более фарисейского, более отвратительного, чем формула «развитой социализм». Христианство обещает рай на небе, а землю объявляет юдолью слез. Здесь — скорей беспомощность, чем фарисейство. «Развитой» же «социализм» — это чистый и целеустремленный обман. В экономическом плане он основан на том, что завершено обобществление средств производства. Во времена Сталина еще добавлялось: «самые высокие темпы роста», «прогресс в решении задачи «догнать и перегнать».

Теперь очевиден провал полный, по всем пунктам. При полном обобществлении средств производства — самые низкие (возможно даже отрицательные) темпы роста и неотвратимое движение страны в разряд отсталых. Зарботки (легальные и нелегальные) обратно пропорциональны трудовому вкладу, общественной полезности труда. <...>

Прогрессивное общество, основанное на демократии, постоянно очищается от подонков, исторгает их из себя, как организм исторгает нечистоты. Наш строй прямо противоположен: вся его история, начиная с разго-

на Учредительного собрания и до сегодняшнего дня — история исторжения или уничтожения (больше всего уничтожения) лучших во всех областях — в хозяйстве, в культуре, в государственном управлении и одновременного умножения подонков и их вживания в общественный организм. Где есть так много работающих алкоголиков? Где есть столько взяточников? У них банкроты стреляются, вешаются, упрятываются в тюрьмы. У нас «снимают за развал и направляют на укрепление», и банкроты у нас во всех высших звеньях власти, особенно в Политбюро». <...>¹

Так или примерно так думал не один только Я.А. Певзнер², но и другие либералы, работавшие в ИМЭМО. Тем не менее никто из них, за редким исключением, открыто не посягал «на основы». Относительное спокойствие сохранялось вплоть до апреля 1982 г., когда в ИМЭМО неожиданно обнаружили два «отщепенца-антисоветчика», арестованные органами КГБ³. Эта история, о которой будет еще рассказано, имела самые серьезные последствия для Института.

¹ Певзнер Я.А. Вторая жизнь. М., 1995. С. 331, 336, 358, 361–363, 383.

² Напомню, что д.э.н. Я.А. Певзнер руководил в ИМЭМО отделом Японии, неоднократно избирался в партбюро и в партком Института, принимал активное участие в системе партийной учебы. Но нигде и никогда он, прошедший суровую школу сталинизма, не высказывал своих истинных убеждений. Тем не менее в КГБ, по всей видимости, существовали какие-то сомнения в отношении Певзнера, которого вплоть до горбачевской перестройки упорно не выпускали за границу. Можно предположить, что недоверие КГБ к Я. Певзнеру, помимо прочего, вызывалось одним эпизодом в его биографии. В начале 40-х гг., будучи агентом Разведупра ВМФ в Китае, он был там арестован «за подрывные действия против японской армии» и брошен в тюрьму, где подвергался пыткам. В 1945 г. его обменяют на японского агента, захваченного чекистами. В 1994 г. правительство Японии отметит научные заслуги профессора Я.А. Певзнера в японистике орденом Благодарного сокровища 3-й степени, а у себя на родине он будет числиться в «не выездных» до семидесяти семи лет.

³ Сосредоточив все старания на выявлении, через своих осведомителей, «идейно неустойчивых» научных сотрудников, допуская неосторожные высказывания, КГБ благополучно «прошляпил» агента американских спецслужб, который в конце 70-х годов работал в ИМЭМО. Как станет известно уже в середине 90-х, этот сотрудник ИМЭМО (назовем его Н.С.) был завербован агентом ФБР Олдричем Эймсом, когда работал в Нью-Йорке в качестве международного чиновника ООН и через свои связи в советской колонии в США мог быть полезен американцам. В 1977 г. он вернулся в ИМЭМО, откуда уезжал в командировку в США. Трудно, правда, представить, какую ценную информацию могли получать американцы из академического института, «питавшегося» публикациями из зарубежной, в том числе американской, печати. В конце 80-х годов Н.С., к тому времени работавший уже в другом институте, беспрепятственно выехал в США по частному приглашению и не вернулся, благополучно избежав тем самым разоблачения. Это тем более странно, что, как впоследствии стало известно из американской печати, О. Эймс — к тому времени уже агент-двойник — по крайней мере дважды «сдавал» Н.С. КГБ, который почему-то проигнорировал полученные сигналы. Тем временем чекисты из идеологического главка КГБ, руководимого печально известным генералом Бобковым, продолжали усердно разрабатывать и профилировать в ИМЭМО потенциальных диссидентов